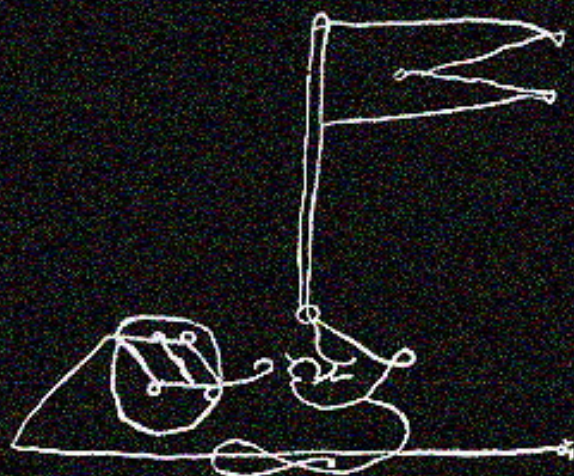

[Polaris]

**ЭМАНУИЛ
РАМ**

**ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ
И НОЧЕЙ
ДИЕГО ПИРЕСА
НА МОСТУ
СВЯТОГО АНГЕЛА**

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХХХVIII

Salamandra P.V.V.

**Эмануил
РАМ**

**ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ И НОЧЕЙ
ДИЕГО ПИРЕСА НА МОСТУ
СВЯТОГО АНГЕЛА**

Поэма в прозе

Salamandra P.V.V.

Рам Э. (Великовский И.)

Тридцать дней и ночей Диого Пиреса на мосту Святого Ангела: Поэма в прозе. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 56 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СССXXVІІІ).

«Тридцать дней и ночей Диого Пиреса» — поэтическая медитация в прозе, основанная на невероятной истории португальского маррана XVI в. Диого Пириша, ставшего лжемессией Шломо Молхо и конфидендом римского папы. Под псевдонимом «Эмануил Рам» выступил врач и психоаналитик И. Великовский (1895-1979), автор неординарных гипотез о древних космических катастрофах.

ЭМАНУИЛ РАМ • ТРИД-
ЦАТЬ ДНЕЙ И НОЧЕЙ
ДИЕГО ПИРЕСА НА МО-
СТУ СВЯТОГО АНГЕЛА •
ПОЭМА В ПРОЗЕ • ПАРА-
БОЛА • ПАРИЖ • ТЫ-
СЯЧА ДЕВЯТСОТ ТРИД-
ЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОД

**ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ И НОЧЕЙ
ДИЕГО ПИРЕСА
НА МОСТУ СВЯТОГО АНГЕЛА**

Я выбираю себе место между двумя слепыми и сажусь на каменную плиту. Солнце клонится к закату и весь мир говорит о величественном конце. С вечера началось творение вселенной, вечером она разрушается, и в пурпурном небе я вижу отблеск скорого срока Суда.

Тибр катит подо мной свои волны; но не успеет докатиться до меня та волна, что родилась теперь у истоков, как исполнится час, и страшный бич хлестнет по земле, и разрушатся первозданные горы. Здесь, лицом к лицу, я встречу твоё разрушение, Рим! Огонь, испепеливший Храм, испепелит тебя до основания. Землетрясение сметет капитолийскую скалу, с которой сбросили ожидавших меня пленников Иудеи.

О, Бог, яви свою месть! Неисчислимо страдание народа Твоего, достигло краев, выше краев. А я, Твой верный Мессия, душу свою отдам, чтобы видеть отмщение великое Твое.

Темнеет. Прохладой потянуло с реки. Никто не протянул мне монеты; ожесточен род человеческий, на челе которого написана смерть от руки Бога.

Я опустил свою голову и обнял руками колени: посмотри, Господин мой, имел ли Ты когда-нибудь человека, так преданного Тебе?

Ночь. Звезды прибежали на свои места. Я остался один на своей плите. И, когда никто не видит, я касаюсь лбом холодного камня и застываю так. Это мой поклон Богу, потому что от него подаяние получаю.

Запоздалые ночные гости проходят веселые и юные. Но я уже вижу ваши руки, воздетые из пламени. А куда ночь — и я кутаюсь в свой страннический плащ.

В темноте огромной вселенной незримый Творец уже исчислил часы ее бренной жизни. Наступит светлый мир, и из развалин Рима встанет нищий и поведет свой народ из изгнания, он — царь, он — кому Бог отдал лучший жребий сынов человеческих на земле, жребий сына Давида, своего избранника.

Светает.

И был вечер, и было утро — день один.

Утро. Идут маленькие, беззаботные школьники. Когда рухнут Аппенинские горы, Везувий и Этна на юге, Альпы на севере, и обратятся в огнедышащие вулканы, и крик людей сольется с грохотом горных обвалов, и каменным водопадом закроется небо — тогда и маленьким школьникам придется платить за грех человеческий. На Твою справедливость я уповаю: Ты сам измысли Свой суд, реши правого и неправого.

Я смотрю вслед проходящим — заставит ли их мой взгляд всех сразу почувствовать, что вот сидит освободитель человеческий, и обернут ли свои удивленные взоры на меня?

Но еще не час. После полудня с шумом пролетели птицы с моря, летели на северо-восток, сделав круг, повернули вновь к городу и с криком стали носиться над зданьями Рима. Поднялся ветер и по улицам и мосту стали летать клочки бумаги и пыль. Сильно зарябили воды Тибра. Быстро приближается черная туча и вот закрыла солнце. Еще солнечный свет лег лучами поверх тучи и как бы длинными полосами лучей перебегал с предмета на предмет.

Улицы опустели, с криком проехал спешащий возница, размахивая в воздухе длинным бичом. Темнее и темнее. Упали на еще горячие плиты первые крупные капли дождя. И сразу разверзлись хляби небесные. О благодатный дождь, о чудные молнии! Я со вчерашнего дня не имел капли влаги на губах, и поток дождя как бы вымыл мою грудь. Лейся в потоках еще и еще! Пусть смоеся с меня всякий грех, пусть очищусь сегодня от всех греховных помышлений!

Я не удержался и поднялся на ноги. Молнии разрывались над всеми высокими куполами. Пена прыгала по поверхности воды. Уже падают горные обвалы и грохотом наполняют воздух! Уже рвутся пологи от края и до края. Исступленное небо топчет землю в опьянении и безумстве, как обезумевший зверь, топчет ее под ногами.

Молнии кидаются мне в лицо и ослепительным огнем разлетаются по земле.

Я испустил радостный крик...

К вечеру, когда дождь перестал, опять защебетали птицы, розовая свежая краска окрасила небо и далекие облака над морем и вышли веселые люди. И на этот раз они оставались живыми и беспечальными, а стихия покорилась. В этот вечер передо мною клали монеты — не ими ли хотели купить себе спасение? — Ночью я сбросил монеты в набухшие волны Тибра, и в тоске сидел до утра.

И был вечер, было утро, день второй.

Грозный был восход солнца. Оно поднималось от Иерусалима. Как бы незримые ангелы носились по своду неба с неслышной мелодией золотых литавров и труб. И перед моим взором встал Иерусалим нагорный. Иерусалим, Иерусалим, город Бога. К тебе я рвался душою. Во мне была вера, какой никогда не было у человека. Я плыл к тебе, чтоб освободить тебя; но не упали чужие капища. Одиноким бродил я вокруг твоих стен; одиноким ходил по узким проходам твоих базаров. Я не надел царского венца, и недвижно сидел на кучах щебня.

И тогда я познал: прежде, чем встанет Иерусалим, упадет Рим. И вот третий день, как я вперил мой взор, и не смежата еще мои ресницы, как мир обезумеет от подземного гула.

А покамест вокруг меня грохот и шум многотысячного города. Несутся экипажи, спешат прохожие, меняются криками, улыбками, смехом. Справа и слева от меня две протянутые руки нищих. Надо мною палящее солнце. Я смотрю на блестящие глаза встречающихся мужчин и женщин, на сверкающие зубы улыбок, и вникаю в план Творца, так ведущего мир к концу.

Я увидел прекрасную девушку. Мое сердце затрепетало, когда я встретился с ней глазами. Черты ее лица были выбиты лучшим резцом на небе и лучшие краски были отданы ее глазам, губам и коже. Мой взор застлался, когда против моего лица было ее бедро. Она прошла и уронила передо мною розу. Я протянул руку, чтобы взять ее, но отдернул руку назад, и только своим шестом оттолкнул ее к самым перилам, чтоб ее не раздавили прохожие. И потом смотрел на нее, как она медленно увядала, и хотя я вспомнил, что и мне только

двадцать четыре года, но ни одной слезы сожаленья не принял Тибр из моих глаз. Я отвернулся от людей и, просунув голову в решетку, долго смотрел на текущие воды.

А ночью, когда роза лежала завядшая, я оторвал один за другим поникшие лепестки и, поцеловав каждый, бросил их ночному ветру; одни из них перелетели мост и уплыли к морю; другие долго трепетали передо мною. К рассвету не было лепестков на мосту, а в моем сердце не было места ни слезам, ни поцелую.

Так прошли вечер и утро — день третий.

Еще сверкала утренняя звезда, только начали щебетать птички, когда я сказал Господу:

«Если не я Твой избранный, то возьми мою душу сейчас — она мне не нужна. Если не мне быть Мессией — то лиши меня жизни сегодня». И дрожь объяла меня от этих слов.

Я видел яркий свет утренней звезды, и я не заметил, как нежное, чистое утро меня обласкало, и будто бы ангел положил свои пальцы на мои глаза. И я видел во сне своего учителя рабби Иосифа Тайтацака. — Он стоял передо мною и нежнейшая улыбка была на его лице. Его борода, его две морщины от крыльев носа вдоль рта — все было исполнено любви ко мне.

Только я и видел. Но когда я оторвался от дремоты, неизъяснимое блаженство наполнило меня. Я вспомнил год в темной школе в Адрианополе, год вдохновения и экстаза, год общения со всеми тайнами мира.

Рабби Иосиф, рабби Иосиф! О, если бы ты видел, какая слава покроет твоего ученика! Больше всего я хочу, чтобы ты видел, больше всего я жаждал, чтобы ты дожил.

Я сяду на коня, и весь народ, шелестя знаменами, пойдет вслед за мною, в солнечном свете к Сиону. И выйдут навстречу девушки Тивериады и Сафед, с песнопениями и плясками, и будут венчать меня, прекрасного Мессию. И подымут меня на трон Давида, и помажут меня елеем и миррою...

Солнце уже поднялось высоко. Стоял уличный гам. Из Чивита-Веккиа с прибывших кораблей двигались караваны купцов. Прошли солдаты с музыкой и за ними бежали мальчишки, подпрыгивая в такт. Продавцы сла-

достей громко выкрикивали свой товар. Душа моя была умиротворена, и я был полон любви к птичкам, к солнцу, к людям. Маленькая нарядная девочка подошла ко мне и протянула своей ручкой блестящую медную монету. И я мысленно благословил эту девочку и решил, что и между язычниками есть праведные, которые заслуживают прощения. Великий Судья, Ты ведаешь, кого спасти и кого осудить.

Только ночью стих гомон. В домах на набережной горели огни; там тепло и уютно. На мягкой постели чистая подушка, светильник у изголовья, стакан вина, — свернуться бы в тепле и неге.

Но что это? Ты такой же слабый сын человеческий? Вся земля тобой должна быть искуплена. Если ты сложишься, нет у земли искупителя.

И несколько раз ночью я просил: дай мне сил, Господи!

Вечер и утро — это был четвертый день.

Утро было пасмурное. Понемногу светало и свет был серый; не было видно, когда взошло солнце. Тянуло сырым, илистым воздухом с моря; печально летели одинокие морские птицы, не имея пристанища.

С утра звонили колокола, и их праздничный звон был как бы похоронным. Печально качались редкие деревья. В полдень остановились с молитвой монахи на мосту. Да, это успокойная о тебе, Рим. А, черные души, уже чувствуете дыхание смерти? Сгнила ваша церковь? Разрывает виттенбергский монах вашу паутину? Умирает ваше язычество, мир католический истлевает. Вы объявили себя наследниками иудейства, но нет покойника, нет наследства. Все, что считали незыблемым, поколеблено, последние оплоты ваши падают. Лютер разрушает старый мир, а я построю новый.

То был мир насилия и растления, мир, выросший из ненависти отступников. Я прошел по твоим следам, Саул из Тарса; под твоим ядовитым дыханием цветущая земля обратилась в мерзостное кладбище, светлый мир — в зловонный дом Ваала. Каков он, огонь очистительный, когда осквернено то, что творил Вечный Творец?

Перед вечером слабость оковала мое тело; в иной час силы как бы покидают меня, но я знаю: я Тобою избран и Ты заботаешься о жизни моей. Скоро кончится мое искупительное бдение и я омою свое тело...

О сладкий час, когда я буду купаться в чистом воздухе Изреельской долины! Я бегу, и ветер развеивает мои кудри. Я упьюсь вином твоих лоз, я упаду на твою землю и буду целовать твой песок, я прижмусь к тебе, я буду пить твоё дыхание!

Обнимаю тебя в мечте моей, и наслаждение мое выше всего, чего может хотеть душа человеческая.

К ночи спустилась мгла, тяжелый туман висел неподвижно. Огни фонарей в руках прохожих были безлучистыми пятнами. Однозвучно, не переставая, капала капля. Ночью часовой все окрикивал тем же обрывающимся криком запоздалых прохожих. А я смотрел в темноту и мрак и ждал.

Был вечер, было утро, день пятый.

К утру туман рассеялся, и прежде, чем показалось солнце, его лучи заблестали на куполах языческих храмов.

Еще было рано, когда через мост провели группу невольников: это были испанские евреи. Тяжелой поступью, измученные, исхудалые, с неистовым страданием в глазах, в отрепьях, мужчины и женщины, некоторые с маленькими детьми на руках, они волочились, погоняемые сицилийскими пиратами. Слезы заволокли мои глаза. Господи, нет конца страданиям народа Твоего! Господи, Тобою избранный народ, Твой сын, посмешище у народов, плевок под ногою их! Есть ли муки более страшные, чем те, на которые Ты обрек народ Свой? О, подыми меня, Господи, дай мне силу нечеловеческую, и тогда да умру и я под обломками рухнувшего Рима!

Сердце мое разрывалось. Я подымал свои руки и ждал, что Бог вложит в них силу, и даст мне меч, и начнется истребление. Но еще безмолвно было небо. Долго капля за каплей текли слезы по моим щекам.

Я перенесся воспоминаниями в страну, где я родился. Я вспомнил вечера на коленях у матери и ее страшные рассказы под завывание ветра снаружи о том, как изгнали евреев из Испании, как они пришли в Португалию, и о том, как их изгнали потом из моего города. Я вспомнил рассказы о кораблях, потерпевших крушение у берегов Африки, о евреях, взятых в плен и рабство, о еврейках, ставших наложницами... Сестры мои родные! Чем я очищу вас? Чем я искуплю ваши страдания?

Тяжело было на душе. Равнодушно, без мыслей, смотрел я на беснующуюся толпу людей вокруг меня.

Когда стала спускаться темнота, спокойствие понемногу снизошло на меня. Сегодня вечером Суббота. Встань, мой друг, навстречу невесте! *Lcho dodi, likrath kala* — это я жених, это моя невеста Суббота.

И ночью мне казалось, что около меня стоит нежная невеста Суббота, и черты ее лица мне чудились знакомыми. Мое лицо было около ее ладоней и от нее всей исходила чудная ласка. Чисто было в моей душе.

Вечер и утро — шесть дней.

Обильная роса выпала в субботнее утро. Волосы мои, щеки и руки были покрыты свежей влагой. На плаще блестели в первых солнечных лучах круглые капельки; они переливались радужными цветами. Суббота одарила меня этими бриллиантами. Душа моя настраивалась торжественно.

Идут в синагогу евреи спокойною поступью. Они не ведают, что уже пришел тот, о ком они будут взывать сегодня. Не знают они, что вот проходят мимо того, кто первый камень положит Храму Иерусалимскому. Лучший день среди всех дней мироздания! Солнце иерусалимское будет сверкать с вышины. Двенадцать колен израильских столпятся на всех холмах вокруг Иерусалима. Объятьями и поцелуями встретят друг друга пятнадцать столетий не выдавшиеся братья. Из Прованса и Шампани, из Танжера и Феца, из Амстердама, с Рейна, из Моравии и из Габсбургской земли, из Варсовии и с Волги, из Мантуи, Падуи, Неаполя, из Салоник, Каира, Алеппо и Багдада, из Йемена, Индии и Китая сойдутся рассеянные израильтяне и вместе с ними десять колен из-за Самбатина. Я займу трон всей земли. И возликует небо, и сердце истечет в счастье, и открою свою грудь и свое сердце и вознесу его Богу!

Но вот опустил я взор свой долу. Как бы в ответ весело засверкал мне осколок стекла на настиле моста. Даже в моих истоптанных на чужбине башмаках было что-то радостное.

Я поднял глаза к небу, и мой взор надолго потонул в синей бесконечности.

Почему Ты меня выбрал? Что Ты нашел в юном мар-
ране? Да, Ты его выбрал, потому что он от колыбели
загорелся жаждой Тебя.

И Ты его привязал к себе так, что он шага не делает,
слюны не проглотит, чтобы не быть всеми помыслами
души с Тобою.

Велик был шар закатывающегося солнца; в стеклах
окон на набережной как бы вспыхнул красный огонь:
и еще более яркий огонь ликовал внутри меня.

Прошла Суббота. Наступила ночь. И когда в полночь
я поднял лицо свое к небу, я застыл в изумлении: все
небо блистало, как огромный алмаз. Не было числа
звездам в эту чистую ночь. Я улыбался Богу, Всеблаго-
му и Всевеликому.

Вечер и утро седьмое.

Ничто не нарушит моей радости. Я весел и смеюсь себе, как ребенок. И солнце мне смеется, и легкие струйки ветра дразнят мои локоны и как бы стремятся схватить меня за ресницы; улыбка овладевает моим лицом, и я с нежностью смотрю на блески на поверхности воды.

Уста мои стали слагать гимн возвращения:

К солнцу лицом,
К солнцу лицом,
Мы идем в наш дом...

Незримые пернатые певцы весело щебетали: «К солнцу, к солнцу!» Все внутри меня звало меня куда-то в даль. Что я сижу? Не готов ли я? Не достаточно ли силы во мне накопилось? Не мои ли веселые руки могут ухватиться за устои мира и потрясти их — хорошо потрясти? Не мои ли легкие ноги понесут меня, как быстрого оленя, к прекрасному пределу — Сиону? Не моими ли зоркими глазами — зорче соколиных они — я высмотрю дорогу народу, не моим ли громким голосом — он стал, верно, громче трубы — я призову со всех концов земли рассеянных братьев моих?

Из бедных лачужек, из подвалов инквизиции, из пиратского плена, от лавок нищенских — к солнцу лицом!

И я запел, — еще тихо покамест, псалом:

«Когда Господь возвратит пленных Сиона — мы будем как во сне.

Смех наполнит уста и ликование рот. Скажут народы: Великое сделал с ними Бог!»

И когда прошли днем евреи — это были чужеземные купцы — они носили желтый туз на спине — я еле удержался, — обет молчанья я исполнял, — чтобы не крикнуть им: закрывайте свои лавки, свои кассы, кончайте свой торг!

И вечером я вновь раздумывал: не встать ли мне, не готов ли я?

С утра необычайное оживление на набережной и на мосту. Весь день шумит разряженная толпа, звенят колокольчики, фыркают лошади, блестя позументы, летят по воздуху разноцветные бумажки, девушки машут веерами, ветер развеивает красные, золотые, синие ленты, люди гогочут, кидаются в разные стороны, поют, кричат, как животные, подпрыгивают, шмыгают, играют на флейтах, бьют в барабаны, сверкают шелковыми масками...

Так и должно быть: мир должен грохотать и, безумствуя, плясать вокруг нищего Мессии. Так и должно быть: мир должен стать весь греховным, весь опотевшим; я смотрю суровым взором на этих нищих духом и не нахожу чувства сожаления для них, пляшущих во дни, когда рушится все мирозданье.

Пусть звенят и истушляются в столпотворении, мой мир и их мир чужие. И я не нахожу в себе любви к роду человеческому. Я ожесточаю свое сердце. Да, я не добрый пастырь, но что делать, когда все стадо из одних заблудших овец?

Свист, хохот, хлопанье бичей, выкрики торговцев напитками, ужасный хоровод.

Золото пришельцев из Эльдорадо целый день льется брызгами перед глазами; ветер качает ковры, развешенные на балконах и столбах окружающих улиц; розы и рубины, сапфиры и пальмовые ветви, бриллианты и лилии, все блистает как сноп искр. Иногда сдавленная толпа бросается к перилам, готовая растоптать меня; проклятья и крики страха несутся из многих глоток сразу.

Так до вечера; вечером — дымные факелы, разноцветные фонарики, маленькие плошки... Велико терпение Твое. А я хочу быть подобным Тебе, и сомкнув уста, ни одним движением и ни одним гласом я не нарушил сатанинской свадьбы.

...Трубный звук начинает звучать издали и приближается и растет, становится все громче и заглушает все. Торжествующе несется голос трубы. Изсинекрасные огнедышащие кони влекут колесницу. На колеснице стоит нагая женщина. Под венцом, который держит летящий амур, ее голова запрокинута кверху. Ее взор не знает смущения. Толпа в ужасе расступается перед безумными лошадьми. Люди бегут за колесницей, давя друг друга, колесница несется вперед, давя людей...

...Поздней ночью разошлись последние тени людей, и я снова остался в моем одиночестве, одинокий в целом мире. Ночью сверкали до утра зарницы над морем; каждый взблеск коротким сиянием освещал ночной омут, а море вдали молчало, громадное и темное.

Утром я очнулся от дремоты под веселое чирикание птичек. Они целой стайей сидели на перилах моста. Их сладостные, веселые голоса рассказывали о далеком и чудесном. Они наперебой спешили каждая по-своему рассказать о своем путешествии. И вот все сразу поднялись и полетели дальше, а я почувствовал, что мои губы искривились в улыбке.

И я тоже улетел в дальние края. Я вседневно стал гостить мечтою в Иудее... Вот я вышел в поле ранним утром. Вдали темнеют горы Иуды. Я шагаю по склону и разбрасываю зерна полными пригоршнями. Мир на горах, мир в долинах; только легкий ветер перебегает с холма на холм. Мирна душа, и спокойным взором я встречаю восход солнца.

Все жарче становится на поле. Солнце пылает с вышины. С моего лица стекают крупные капли пота. Я защищаю рукою глаза и смотрю: не идет ли Шалшелет, не несет ли мне обед из дома?...

...Мне жалко открыть глаза и снова увидеть те же гладкие от древности плиты, на которых я сижу. И я остаюсь с закрытыми глазами и, как послушное дитя, жду, доколе желает Отец. Верно, я грешный сын, что так долго не могу получить прощения? Человек не может быть безгрешным — а я слишком много думаю о человеческих наслаждениях. Я красив — ведь не может же быть Мессия уродливым? Я помню, как однажды в детстве я увидел старую некрасивую португалку и подумал — неужели я вместе с нею буду блаженствовать в раю? Я был еще глуп, но я слишком любил красоту.

Так я предавался размышлениям и воспоминаниям в час ожиданий. И я уже чувствовал, что это нехорошие

размышления. Я это еще более почувствовал в вечерний час, когда я стал с каким-то потаенным интересом смотреть на лица проходивших женщин. Я знаю, если я только поддамся чувству, оно рано или поздно овладеет мною, потому что в этой борьбе моя победа должна была бы быть непрестанной победой; и когда мысль вожделения будет побеждать, ноги будто завязнут в зыбучий песок, и чем дальше, тем больше песок будет всасывать, и, уже немогущий бороться, я погружусь покорный, обессиленный.

Наступила ночь, эти мысли меня не покидали, чем дальше, тем больше они порабощали меня, и я погружаюсь, покорный и обессиленный.

Слаб мой дух, отвратительно тело мое. Как омерзитель я, сколько дерзости во мне, что мечтаю о венце избранничества. Отвратительные чувства, слабость и бессилие обуревают меня, и овладевают мной, и поработают меня.

Я, презренный, плоть свою обрезал, но сердца своего не обрезал. Сердце мое обросло и стало как сердце кабана, похотливого животного. Сколько мерзости во мне одном. Сколь низко пал я, червь пресмыкающийся; есть ли моей низости мера, и может ли мерзостный думать о прощении? Отчаяние, отчаяние, покаяние, покаяние, но примется ли мой грех, есть ли ему очищение, не бездонен ли? Молитвы не допущу грешному рту моему произнести. Тлей, истлевай, ползи на брюхе своем, страшно смотреть на тебя, глазам тошно.

О, как пал человек! О, какое горе постигло меня! Мне ли спасти землю, когда сам спасения недостоин? Мне ли звать к чистоте, когда в нечистоте погиб? Мне ли осквернять губами своими слова, когда мерзостен и огажен я? Ни о жизни, ни о смерти просить не могу. Позор на имени моем, ибо осквернитель я.

Вот каков человек, хотевший дать искупление и спасение роду человеческому. Нет слов для покаяния. Нет слов для покаяния. Нет и нет.

В черной страшной бездне сижу я. Ночь черна, как Шеол. Ни одного луча света. Бесконечно длится ночь, как будто пожалел Творец о первом дне творенья и сказал: Да будет тьма!

Во всей вселенной темнота и могильным холодом она обняла мои плечи и легла на мою голову. Кто станет надо мной и защитит меня? Я один во всем мире. В темноте Ты испытываешь меня, и креплю я сердце и борюсь, как Яков, с наваждением, ангелом ночи до утра.

Исходя в муке борения, я не в силах сохранить обет молчания и мой крик вырывается из внутренностей моих и страшный молитвенный напев звучит в пустоте темной вселенной.

Суди народ Свой, но к чему откладываешь Суд? И к кому о защите взывать?

Меня поставил Ты отвечать за народ мой — дай же буду стоять пред Тобою. Осудил и не даешь сказать слово в оправдание. Осудил и не сказал, доколе. Заключение знает дни заключения своего, узник — час освобождения своего.

Раб ждет свободы, больной — исцеления, но сын избранный Твой, — когда очистится от гниющих струпьев своих? Не искуплен ли и самый большой грех? Будет ли прощение? Настанет ли утро?

И было утро. Пред лицом моим раскрылось небо. Тысячами золотых нитей опутало солнце воздух. Замок Святого Ангела туманно вырисовывался в золотистой пыли. Есть ли мера испытаний народу моему? Суд между мной и Тобою: сними свою карающую десницу с меня народа моего.

Отпусти его: он заплатил уже за все прегрешения отцов своих. Отпусти его, пока теплится еще жизнь в теле его. Помилуй, пока помилование еще приняться может.

Когда солнце в нерешительности покинуло зенит и стало опускаться, на мосту остановились пилигримы. Еще зовет Рим пилигримов, еще есть обманутые души, идущие на богомолье в город Зла.

О, наступи конец! Не карай мой народ за мой грех. Отец, Ты один ведаешь пути.

Я молился долго и просил, если слышит Бог мою молитву, пусть покажется звезда. Но небо было хмурое. Я вложил в молитву всю душу. А потом, когда поднял голову и посмотрел на небо — на востоке ярко горела звезда. Большая, светлая.

Ночной сумрак медленно, медленно сереет. Проходят долгие часы, пока как бы сходит одна серая занавесь за другой с тихого и печального неба. Нет облаков — одноцветное небо, молчаливая еще земля, и я на земле, на каменной плите.

О Боже, сердце мое, как выжатый плод. Великие мечты вихрем врываются в душу мою, судорогами потрясают тело мое, зову себя к великому действию, и тогда вижу немощь сердца моего — оно, как выжатый плод.

Кто спасет мой народ? Куда ни смотрю, кого в памяти ни назову — нет человека. О, разве только, когда вновь на корабле поплыву к Сиону, пробудятся силы мои? О, разве только тогда сердце станет, как полный плод, полный и влекущий!

Невидимые персты свивают одну за другой гонкие паутины с неба и его серый цвет в это долгое утро просняется в тишине, безжизненной и унылой...

А когда грохочет суетный и бестолковый день, мне не нужно даже закрыть глаз, чтобы перенестись в мою страну. Она в развалинах. По всем дорогам древние руины. Умерли живые пророки, а мертвые камни живут. Дрожат одни грустные кувшинчики в утренний час между Царой и Эш-таолом. А в солнечный полдень в Иудейской степи мерно, мерно звучит колокольчик на шее верблюда, идущего первым в длинной веренице, шествующей, кто знает? — из Тибета в Гизах. А там, взойдешь на холм, окинешь взглядом землю до Кармеля и ни одной души. И слезою дрожит вечерняя роса на закрывающих венчик свой цветах. А ночью вой, тоскливый вой шакалов, как будто плач, как будто горькое рыдание детей.

Мой взор по миру бродит. А вот и мимо меня идет мир... Проходит на костыле молодой еврей с бледным, бледным лицом. Да, это ты, мой народ, беспомощный и слабый. Прости свои руки и разрушь этот город и его храмы! Ты не можешь. Стань и скажи горящие возмущением слова, как Исайя! Ты не можешь. Сядь и плачь плачем Иеремии! Нет, ты не можешь. Хромой еврей! Ты как душа моя, одряхлевшая без времени.

И небо уже назад завивает свои тонкие паутины; темнеет, темнеет, и темнота застает меня на молитве.

Бесконечная ночь. Мерцает путь звездный, млечный путь. Воды Тибра воркуют свою чуть слышную песню. Среди волн, камней и звезд живет моя душа. Как бы свыкся я с местом моим и не высчитываю уже дня освобождения, но ночь так долго длится, что вот уже вечер последний кажется бывшим давно, давно.

Свыкся я с местом моим, но я не стал рабом: Риму. Я ослаб среди твоих зданий, но только телом. Угодна душа моя Богу.

Тихо гаснут один за другим в предутренней истоме ночные огни. Шаловливый ветер все кружится вокруг меня и как будто жалеет покинуть меня. Темная синева наполнила воздух, и весь мир стал синий. Я протянул руки и сказал: Чуден мир Твой, Господи! Совершенно творение Твое — сделай же, чтобы кончились дни ада и вновь вернулись бы люди в рай. Земля наша как рай — Твои солнце, луна и звезды, Твои рощи, ручьи и горы, Твои пустыни и океаны, Твои льды и Твои грозы, что лучше может быть в раю? Но душу человека и душу зверя замени. Ты велик, Ты можешь так потрясти мир, навести такой ужас, чтобы злая душа стала доброй и неверующая верующей. А силы мои ничтожны, и я спасти мир не могу.

Я созерцал творение, которое Бог творил шесть дней, и слезы закапали на мои колени. Душу мою Великий Бог творил, как лучшее творение Свое, и дал ей самые горькие страдания, самую тяжелую муку. О, если бы этими страданиями я искупил весь мир! О, если бы я в жертву был принесен за заблудших людей! О, если бы моими страданиями кончилось страдание земли! Сожги меня, Господи, и сделай Твою землю радостной и веселой. Всех сразу привлеки к Себе, сделай праздник человечеству! Я взойду жертвой, если угодно Тебе!

Так вел я тихую беседу в сапфирный утренний час; сапфир стал обращаться в бирюзу и бирюза в лазурь.

...И когда лазурь стала обращаться снова в бирюзу, приблизилась Суббота. В шестой день было творение человека. Но вот в шестой день претворялся дух человеческий страданием. Кончается пятница, тушатся жаров-

ни и пылающие пекла, зажигаются мирные свечи наступающей субботы.

Претворился ли дух человечества?

В муке обрел ли ты что-нибудь новое, ощутил ли глубины свои?

Когда зажигаются мирные свечи — я любил проходить по селениям и посещать каждый порог: мир я приносил вам. Я целую желтый свиток старого еврея и мятущуюся душу молодого фанатика и мечтающие глаза девушки. Мир душе каждого.

Предрассветный холод. Я ежусь в своем плаще, накрыв себя с головою. Окоченели руки и ноги и тяжело ноет спина. И я вспомнил утро в Иудее, на пути в Иерусалим, когда я, заснув в поле, проснулся от предрассветного заморозка. Вся земля, свежая-радостная, еще ласкалась в объятиях лазоревого неба; в горах просыпались стада — маленькими точками казались они; прозрачный воздух возносил в бесчисленный раз жертвенный аромат росистой земли; и новой была утренняя молитва, и в рассветном холодке я омыл грудь.

Так и в это утро. Подымается солнце, и я смотрю за движением его.

Я сижу и упорствую. Я потомок жестоковыйного народа и хочу быть царем его. Я упорствую, пока Ты не явишь Себя. День — несправедливость и ночь — грех, и Ты Молчишь. А я знаю Твое молчание — оно молчание Судьи. Но прекрати молчание и покажи всем, что я был прав, когда ждал Тебя.

А люди идут. Сначала качается их стопа — они идут ко мне, потом качается их пята — они уходят от меня.

Велик поток дня. Неустанно изливаются воды Тибра. Мысли мои рождаются и уходят во множестве и дерзновенна рука, что хотела бы отметить их. Солнечный отблеск уже в Тибре, а быстрые струи дробят его — и много ли блеска укатится в море?

Закат подобен восходу и одна ночь другой. Я сижу и бодрствую. Я жажду Бога, Бога Живого. Уходят годы, иссохли кости; тысячи ночей я вставал пред Тобой и просил: — «Благослови мой народ и все народы и меня, раба Твоего, Мессию». И теперь я сел, чтобы встать в час, когда Ты примешь власть из рук царей земных в руки Свои.

А люди все идут и идут, а солнце все сияет и сияет. И в иные минуты я с ужасом думаю, что вера моя слабее, что она не такая, как была раньше, что, может быть, я мог бы жить, если бы и не я был Мессией народа. И грустно и печально я жаловался себе на скудость свою душевную; вспоминал свой былой огонь, вспоминал, как я зажигал им всех, кто только встречался на моем пути. Я ослаб и тоскую о своих пламенных клятвах, о дне, когда я кровавую печать обрезания наложил на тело свое, о ночи, когда я с палубы корабля, в грозу и бурю, кричал всей вселенной мое «Слушай, Израиль!» Я горел и неужели испепелился? Я был огнем и неужели стал черным пеплом? Мой голос мог петь, мой меч мог разить, я пренебрег любовью королевы и волны несли меня, и я был смел, как никогда не был смел человек!

А теперь, печально я озираю мир, всматриваюсь в безмятежных людей, что вереницами двигаются и встречаются предо мной, и размышляю, как слаб я стал, что только ожидать могу, только свидетельствовать могу.

В этот день утром я не сказал своей обычной молитвы, и весь день не находил в себе силы обратиться к Богу, и только безмолвно плакал о старости, пришедшей ко мне в молодые годы, о том, что я немощен; и руки и ноги мои ныли, в горле было сухо, глаза мои воспалились, и я чувствовал, как безразличие обнимало меня, как бессилие меня оковывало.

И я хотел встать и уйти, и сказать себе: не ты Мессия, — и спрятаться вдалеке, и замешаться на торжествах людских, но и на это не находил в себе силы.

Небо было бело. К вечеру выплыла луна. Все было неприятно, все было неодушевлено. И я, как бездыхан-

ное тело, без мыслей, без желания, лежал у перил. Ночью слышно было, как лают собаки в разных концах города. Я слушал их лай, и бесцельность мироздания стала вырастать предо мной. И когда я ужаснулся своему богохульству, я прошептал:

«Как тяжело покарал меня Бог».

Сижу я пред лицом Твоим, Всевышний. Морозная ночь. Звезды без числа. Необъятна вселенная. Бесшумно, без единого скрипа движется великий небесный механизм.

В такую ночь вышел Авраам за порог своего шатра. «Как звезды эти сделаю потомство твое». Да, как звезды эти сделал Ты детей его; как звезды по лицу неба, они рассеяны по лицу земли; и как песок сделал Ты потомство его; как песок и как прах, попираемый стопой человеческой. И падает звезда; катится по небу и сверкает, вращаясь. Одним свидетелем стало меньше завету Твоему с Авраамом.

Народ мой, рассеянный, гонимый, как листья осенней непогодой, спит в своих рубищах на ночлегах скитаний своих. Как звезды потомство твое, Авраам, а царь великолепный их, сын Давида, во вретнице мерзнет в столице рабства их. И если встану я и скажу — «пусть будет день!» — разве станет день? Разве послушны мне стихии?

Сделай народ мой высоким, как звезды, сверкающим, как звезды и вечным, как звезды. Ты творил этот необъятный мир. Добрый Бог, люблю Твое Творение — Твою Вселенную и Твой замысел. Меня избрал Ты героем Твоей сказки — и вот мы вдвоем разговариваем в великой вселенной.

Вьется по миру пыль кочевий Израиля от первых дней его, и не может улечься.

Так приголубь его, приласкай его, усталого сына. Возьми его на руки, дай смертельно изнемогшему ребенку отдохновение у груди Твоей.

...В прекрасном бассейне розовой воды искупалась заря и ее девичий лик прояснился в улыбке, как распускается роза в свой первый час.

Громыхая повозками, проехали крестьяне из подгородних сел.

Я склонил голову на колени. Вздремнул ли я? Меня посетило тяжелое сновидение. Я стою один в равнине Иудеи — безлюдной, как пустыня — и я как будто запуганная одинокая лань. Красный солнечный диск в ненарушаемом молчании стоит близко, близко к земле, почти касаясь ее. Я один в родном моем краю, никто, никто со мною не пришел. Сердце дрожит в одиночестве. Мессия спас только одну душу — свою душу.

Я очнулся. Солнце увлекалось к земному долу.

Утром проехали по городу на конях глашатаи и объявляли казнь сожжением обвиненного в отступничестве. Казни я не видел. Я только видел, как собрался народ, как переговаривались проходившие женщины, с аппетитом предвкушавшие зрелище, как нарастало оживление на улицах, как жадный, говорливый поток людей устремлялся по мосту и набережной к месту казни. Запыхавшись, пробежали запоздавшие. Потом я остался один, кругом меня никого не было. А невидимо для меня бушевала, как море, толпа — вся гудела и шум ее был подобен ропоту волн. Ропот нарастал и вырос в рев. И потом сразу вся толпа смолкла и в дневной час наступило молчание, как молчание горних вершин.

И тогда я увидел перед взором своим лицо приговоренного. Животный страх был на безумевшем лице. Вот лицо твое, страшное поколение!

Уже огненные взвивы пламени обнимают тело. Уже запах горелого мяса несется к небу. Уже поднялся ропот морской, радостный ропот детей Твоих.

Быстро сгорал день. В предзакатный час клубились облака на западе, они подымались выше и выше в небо к зениту, громоздились друг на друга, принимали чудовищные образы, окрашенные в пурпурную краску. Все небо вращалось в этих огромных облаках, огромном, бесшумном воинстве, молчаливо пылало и наводило смятение на притихший город.

А ночь уже высылала свои темные легионы, сумрак шел на огонь и побеждал, за ним шли новые легионы, еще более темные, и мрак занимал все небесное поле битвы.

Ночь была темная, беззвездная. Все ставни и ворота были наглухо закрыты запорами и завалами. В целом городе я был один вне засовов.

Молитвы нет. Ночью слышал я внутри себя голос: встань на молитву! Но я был слаб и изможден и не подымался — ведь и так все мои молитвы Бог знает.

Под утро снова голос внутри меня потребовал: Встань на молитву! Или ты ленишься встать? Или я ленюсь встать?

О, я изнемог, и сердце мое стало пустое. Ты обыкновенный человек, ты один из многих, ты такой, как все.

Пасмурное утро колыхалось туманом. Река бежала, как вчера и третьего дня, но ее напев был другой — он стал плачущим.

Осиротелый сидел я и блуждал своим взором по сырому, низкоупавшему мглистому небу.

Окоченевшие пальцы я спрятал под рубашкой на теле и стал грезить, опустивши веки.

Иерусалим. Солнце горит на небе. Небо сверкает, как лучшая сефира. По дорогам от Бет-Лехема и от Шхема и от Лидды и от Иерихона идут евреи, много, несметно много евреев. Они воздымают руки, падают на колени, целуют землю.

А я стою один у врат Сиона. И мое сердце стучит сильными ударами от радости...И я бегу стремительно по ступеням Давидовой Башни к Богу с моей радостью...

И я распростер свои объятия, раскрыл глаза, быстро и с силой поднялся и стал шептать слова молитвы. — Тот день уже был предо мною! Свет ослепительный сиял во мне. Я в знак клятвы преданности Тебе поднимаю руку и так стою перед миром, и перед вами, удивленные прохожие, — я нищий, подаренный чудным откровением избранника.

Из бездны взываю, душа моя просит пощады. Жизнью исхожу: вылью Тебе мою муку. Слезы мои на глазах моих и текут по ресницам и щекам моим. Свои уста я закрыл и боль моя великая говорит Тебе: Бог Милостивый, пожалей меня.

Дай мне радости, не отымай надежды у меня. Обещай мне солнце Иерусалимское.

О, если бы мне быть в колодце Иеремии! О, если бы мне лежать хоть на куче мусора в Иерусалиме! О, я был бы в блаженстве.

Не последние ли это муки? Ибо тяжело. Но ведь будут, Бог Милостивый, дни в Иудее солнечные?

Дай мне эту радость.

Я слаб, нет силы поднять руки, мои губы запеклись кровью, я больше не могу раскрыть век, сердце мое замирает. Я готовлюсь к смерти.

Я уже не знаю и не вижу, кто проходит мимо меня и безразлично мне это — потому что я покидаю вас, люди. Я не думал, что умру когда-нибудь, думая, что бессмертен. Но не судил мне Бог.

И мухи уже облепили мой рот и ноздри, — кровь мою не на полях Иудеи отдал — а в столице рабства моего истекаю и разлагаюсь гнилью.

О, Бог, Ты не дал мне мессианского венца — ибо грешен; смерти я обречен, но пусть мои кости тлеют в моей стране — это единственная молитва моя; за всю мою жизнь вечного устремления — сделай эту великую милость со мною.

И я бы лег пред лицом Иерусалима в святую землю тихий и благодарный и заснул бы сном вечного успокоения пред лицом Твоим, Иерусалим.

Больше ничего не хочу. Душу мою Тебе отдам, народ мой Тебе отдам, ни жизни, ни воскрешения не прошу, только дай истлеть костям моим в земле моей.

Еще нет тридцати дней и я сгорел, помни, во имя Твое, Господин мой. Тебе завещаю народ мой, поставь ему другого Мессию, что от утробы матери не согрешит и в дни юности различит добро и зло. Помогите ему покорить все сердца, научи его состраданию, справедливости и разуму, сотвори его сильным в борьбе с самим собой. Освободи его от страшных мук мессианских. Сделай народ послушным ему и поведи его не на коне победоносном, а на ослице мирной, да знает великую жалость Иеговы.

Когда выплывало солнце из-за края земли и лучи его, как отравленные стрелы, взлетали в небо, взметая пламя — я уснул.

...И я видел, что в воздухе потемнело. Темные испарения земли поднялись к небу и солнечный свет скрылся в тумане. Что-то тревожное нависло над городом. Кардиналы и монахи поспешно проходят по мосту. Идут отряды в боевых доспехах. Город окутан обреченностью. Он приговорен. Его здания колеблются. Скоро над ним запылают языки огня, и я возлюбуюсь гибелью осужденного города.

Как свинцовая крыша в жилище вечного успокоения, лежало небо над землей. Стали доноситься удары пушек и удар за ударом катился по земле и тихо дрожал мост подо мной.

И шел тоскливый час за часом. Моя молитва стала возбужденной и страстной. Мой обет Тебе, Бог мой. Я не буду иметь ни одного помысла о себе; всего себя, со всем сердцем своим, я отдам на служение Тебе: пощади Иерусалим, построй Иерусалим, возвеличь Иерусалим!

И потом моя молитва стала молитвой без слов. Душа моя пела встревоженно. Вот промчались запыленные всадники на вспененных лошадях и поражение было написано на их лицах и фигурах; одежда разорвана; кровь из ран струится на камни моста; ошалелые лица людей, спасающих жизнь свою, толпа повозок, всадников и бегущих, крики погоняющих возниц, бегство травимых людей, преследуемых ужасом... Снова воцарилась тишина. Потом въехали на мост первые отряды варваров.

В темноте горят в разных концах города здания. Сноп искр летят к небу. Победители делят добычу в песнях и разгуле. Оргии происходят под открытым небом.

С криком выбрасывают варвары утварь капищ. Визжит полотно разрываемых картин. Летят перед глазами листы книг, брошенные ветру. В уличной грязи валяются лоскутья облачений жрецов.

И слышу вопль истязуемых людей, предсмертный крик маленьких детей, плач насилуемых женщин.

О, неужели это час, когда Иерусалим отомщен? Запах горящего мяса щекочет мои ноздри, я вдыхаю его и спрашиваю себя: отомщен Иерусалим? Падает Рим. Перед моими глазами проходит разрушение. Но холодно в сердце моем.

Черный ангел стоит над городом. Земля облита каплями темной крови, искрами пожаров и семенем насилия!

Вот мчится на коне варвар — победитель с тупым лицом европейца — и держит в своих объятиях девушку; чувство превосходства на лице похотящего варвара и беззащитна девушка. Ища помощи, взор ее обратился ко мне — о небо! Это была девушка-Суббота. Смертельная тоска была в ее остановившихся зрачках. Я схватился за полу одежды варвара и удар копытом бросил мою голову о землю и кровь потекла из горла моего. О, рыцарь Диего Пирес, победитель на турнирах! Я лежал подбородком к холодному камню и кровь бежала из моего рта...

Холодно в сердце моем. Зло разрушено злом. В насилии рождается новая земля. От зверей опохотевших приходит день освобождения человеческого? Зло должно было прийти и пришло. Холодно в сердце моем. Когда открою уста для благословения?

И рвутся и трепещут в воздухе обрывки пламени, и вертятся огненные колеса, и искры осыпают темное небо исступленным дождем. И вздымается ветер и несется, громыхая, по рушащимся крышам и летят вниз кариатиды и щелкают картечью далекие осколки. И безумя, кружатся варвары и их кони и вдруг несутся потоком легионы, преследуемые пламенем, и другое пламя бросается им навстречу и пенится кровь из-под рвущей узды и лошади топчут людей; и уже несется по воздуху новая несметная толпа всадников и гоняется огонь за ними и горят волосы и факелами зажженные гривы и огонь в ноздрах. И исступленная в ужасе лавина животных бросается в реку и огонь ее преследует там.

И стало темней. Углятся обвалившиеся дома. Мор прошел по городу. И люди, корчась, царапают ногтями землю, и бьются головой о камни и, распластанные на земле, в безумном ужасе тянутся руками, бессильные сдвинуться с места. И помраченными исходят души.

Всюду, куда ни обращается взор, лежат полусгнившие тела и смрад наполняет ноздри мои, и иссохшие губы, искривленные в корче, дышат зловонием.

А живые бегут с лицами, искривленными тревогой и ужасом. Да, поставлен я среди мира, корчащегося в судорогах; я каждому встречному смотрю в глаза и вижу, что наказание никого не миновало.

Люди в клетке и клетка зажжена: как скот, погибающий в пожаре. А сердце мое хочет вознестись к Тебе, ибо страшится мук человеческих и хочет уйти от них. Но не возвращен я к мирным скалам Иудейским, пока мука нестерпимая не окончилась совершенно на земле.

И сижу я посреди плачущих и шатающихся, рвущих волосы и онемевших, бегущих и падающих.

О, чаша гнева никого не миновала; а сердце мое приняло всю муку человеческую и голова моя опустилась низко...

У младенца, что его мать бросила у ног моих, почернели ноги и язык стал зеленым и зрачки мутными. Город опустел и не стало слышно голоса говорящего, ни шагов идущего.

И стало еще темней. И я ощутил, как устои моста подо мной боролись с напором больших вод. Черные волны вздымались и катились, как медные шары. Ветер кружился по небу, беспокойно обрывая тучи. Вода выступает из берегов, заливает темные, ночные дома; потоки шныряют всюду, вливаются в двери и окна. Воды множатся и растут и разливаются потемневшим океаном — город уже скрыт под тяжелой поверхностью тысяч и тысяч вод.

И растет и растет и растет темный океан и покрывает собой все и над ним такое же темное небо. И бездонны воды океана и холодны прохладою небытия.

Мои закрытые ресницы озарились красным светом. Сияет великолепный чертог неба. Звучит чудная музыка удивительной флейты. По небу спускаются стада белых овец. Золотые облака позади них в веселом хороводе пенятся кружевом. Белые голуби чуть ли не крылами касаются моего лица. И я в истоме покоюсь в чистом пространстве и серебряная улыбка лежит на безмятежности светлого хаоса.

И когда я открыл глаза, я увидел первые лучи солнца. Оно выплывало из-за края земли и его лучи нежно ласкали меня. Изнуренный бдением, я спал день и ночь от утра двадцать девятого дня до утра тридцатого дня. Сон подкрепил меня, и я чувствовал, как по моим жилам течет теплая кровь.

Иди и пророчествуй!

И не буду измышлять сроков. Но и не в моих силах закрыть уста мои. Дня, о котором пророчество, не знаю. Солнце подымалось в великолепии. Надо мною Твоя Благодать, передо мною Страна, за мною Народ. Одна дорога у меня. Ею я взойду. Иду я навстречу Тебе, Господь, Бог мой!

И я поднялся с места моего.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Диего Пирес (1500-1532), рыцарь и марран, прекрасный юноша, любимец португальской королевы, под впечатлением прибытия ко двору фантаста Давида Реубени, выдававшего себя за посланца неведомого царства десяти колен (недавние великие открытия новых стран света сделали в глазах многих все возможным) — вернулся в иудейство, совершил обрезание, принял имя Соломона Молхо, скрылся в каббалистических школах Адрианополя, блуждал в пустынной Палестине, познал, что мессианское царство наступит лишь после падения Рима, 30 дней и ночей томился среди слепых и нищих на мосту Святого Ангела в Риме — такова народная легенда о будущем Мессии, — в состоянии экстаза имел видения и, встав после тридцати дней, напечатал в Венеции свои предсказания о наводнении Рима, о землетрясении в Португалии, о появлении кометы — что все, пишет историк Грец, и сбылось; исполнение его предсказаний приблизило его к Клименту VII, униженному солдатами Карла V, полонившими Рим, и искавшему утешения. Благодаря влиянию Диего Пиреса, домогания португальского короля, просившего папской буллы на введение инквизиции, потерпели неудачу.

Диего Пирес был преследуем инквизицией в Италии и, когда нашлись улики, был приговорен к казни, но был спрятан Климентом VII в своих покоях, а перед огромной толпой сожжен был некто другой. Он вновь встретился в Венеции с изгнанным из Португалии Реубени и оба с маккавейским знаменем отправились в Регенсбург к Карлу V. Их беседа с Карлом осталась тайной. Карл привез Диего Пиреса в Мантую и там сжег его во время придворных празднеств.

Гонец Карла примчался к месту казни с предложением помилования, но Диего Пирес на костре отказался вернуться в христианство и рот был ему заткнут, чтобы он не мог обратиться к толпе со своей вдохновенной речью. А после его смерти преданные друзья передавали, что встречали его призрак на том же мосту и в других местах.

Реубени был заточен в Испании и умер после долгих лет заключения.

* * *

Задумана была эта поэма на пепелище еврейских селений Украины в слякотную осень тысяча девятьсот девятнадцатую. Написана она была вьюжной зимой годом позже у подножья ледяного Казбека, замыкавшего дорогу к пустынным скалам родины.

Следуя совету Горация, рукопись покоилась, покуда листы ее слегка не пожелтели.

Об авторе

Иммануил Великовский (1895-1979), врач, психоаналитик и, пожалуй, наиболее известный «катастрофист» XX в., родился в Витебске в семье богатого и религиозного еврейского коммерсанта Ш. Великовского (1859-1937), впоследствии сионистского деятеля и одного из пионеров возрождения иврита.

Окончив с золотой медалью московскую гимназию, Великовский путешествовал по Европе, побывал в Палестине и изучал медицину в Монпелье и Эдинбурге. Вернувшись в начале Первой мировой войны в Россию, стал студентом медицинского факультета Московского университета; параллельно изучал юриспруденцию и древнюю историю.

После революции бежал с семьей на юг России, где едва не был расстрелян белыми; вернувшись в 1921 г. в Москву, восстановился в университете и получил диплом магистра медицины. Затем семья выехала в Палестину, а И. Великовский в Берлин. В Берлине, Цюрихе и Вене изучал биологию и психоанализ, редактировал издававшиеся в Берлине научные сборники *Scripta Univesitatis*, вокруг которых группировались ученые, создавшие позднее Еврейский университет в Иерусалиме (физико-математический том издания редактировал А. Эйнштейн).

С 1924 по 1939 г. Великовский жил в Палестине, где практиковал медицину и психоанализ и редактировал журнал *Scripta Academica Hierosolymitana*, а также публиковал статьи в медицинских и психоаналитических журналах. В 1939 г. выехал в США, где и прожил до смерти.

В 1950 г. опубликовал книгу *Worlds in Collision*, вскоре ставшую бестселлером — первую из серии работ, в которых Великовский развивал теорию космических катаклизмов, пережитых Землей и Солнечной системой в период древней истории (воспоминания о них, по мнению Великовского, были коллективно вытеснены человечеством в область подсознания). В работах, опубликованных в 1950-1970-х гг. — *Ages in Chaos* (1952), *Earth in Upheaval* (1955), *Oedipus and Akhnaton* (1960), *Peoples of the Sea* (1977) и др. — опираясь на данные археологии, астрономии, геологии, истории, лингвистики, мифологии и фольклористики, продолжал развивать свои теории, предложил ревизионистскую хронологию и новую реконструкцию древней истории. Воззрения Великовского вызвали яростную критику в академических кругах и были заклеены большинством ученых как псевдонаука.

Об издании своей единственной художественной книги *Тридцать дней и ночей Диего Пиреса на мосту Святого Ангела* Великовский писал в воспоминаниях следующее: «В 1935 году я опубликовал в Париже мою русскую поэму в прозе “Тридцать дней и ночей Диего Пиреса на мосту Святого Ангела”, написанную пятнадцатью годами ранее на Украине и Кавказе. Она была принята к публикации <...> после того, как Иван Бунин, нобелевский лауреат (1933), прочел ее и написал похвальное слово о таланте ее автора. Это история Соломона Молхо, который провел 30 дней перед дворцом Папы, ожидая Божьего знамения, чтобы начать действовать в качестве мессии. Я признаю, что многие из чувств, приписанных Молхо, были моими, пережитыми в те годы». Любопытно, однако, что многие пассажи в книге весьма близки к сохранившимся запискам Пириша-Молхо.

Книга публикуется по первоизданию (П.: Парабола, 1935). Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Имена собственные и географические названия оставлены без изменений.

В оформлении обложки использована стилизованная подпись Ш. Молхо.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.